

О. И. Вендина

МОСКВА – ОБРАЗ ГОРОДА, НЕ ПОХОЖИЙ НА ПОРТРЕТ

Какую роль в формировании образа места играют свойства пространства, а какую личность и ее отношения с окружающей средой? Сложность этих взаимоотношений, их зависимость от приоритетов общества заставили углубиться в тонкости восприятия людей и повлекли за собой развитие исследований, пограничных между политикой, социологией, психологией и географией.

Расцвет интереса к изучению образа города пришелся на 1950–1960-е годы. Возникшая в обществе потребность понять механизмы формирования и восприятия городских образов была удовлетворена целой серией блестящих исследований. Работы того времени с достаточной степенью условности можно разделить на структуралистские и иконографические.

Первое направление обозначено К. Линчем¹. Опираясь на визуальные качества городской среды, он схематизировал образ города, выделив его составные компоненты. Городская среда была представлена в виде знаковой системы, а содержание каждого знака сводилось к его структурной значимости и определялось местом в системе города.

Иконография города опиралась на идеи символизма, привнесенные в географию из истории искусства и психологии.

Работами Е. Прайса² была начата серия исследований взаимосвязи между меняющимся «наполнением» городского пейзажа и устремлениями людей. Объяснение образов города потребовало фиксации наблюдаемого и создания портретной галереи городских видов. При этом воспроизводимая панорама зависела, по крайней мере, от трех переменных, определяющих особенности «зрения»: а) исторической эпохи, б) внутренних установок создателей города и в) восприятия людей.

Интерес к иконографическим исследованиям вспыхнул с новой силой в 1990-х годах. После длительного периода дезурбанизации и дискуссий вокруг будущего городов, мы наблюдаем обострение вечного противоречия «центр – периферия», построение новой иерархии городов, поляризацию их пространства, джентрификацию городских центров и концентрацию в них ключевых функций наиболее доходных секторов экономики – финансового и информационного.

Образ города стал инструментом городской политики. Но всему обыденному отведено в нем очень скромное место. Геопо-

¹ Lynch K. *The Image of the City* (1960), *What time is this place?* (1972), *Managing the sense of a region* (1976) – The M.I.T. Press, Massachusetts Institute of Technology, Cambridge, Massachusetts and London.

² Price E.T. *Viterbo: Landscape of an Italian City*// *Annals of the Association of American Geographers*. 1964. Vol. 54. P. 242–275.

литические реалии новой эпохи, претензии на управление глобальными процессами требуют монументализации образов и символов.

Столицы как главные центры восприятия и распространения инноваций первыми ощутили потребность в сознательном формировании нового имиджа. Городские власти, вступили в конкурентную борьбу за иностранные инвестиции, беззащитно соблазняя потенциальных заказчиков и монополизировав право на трансформацию городской среды. Потребности городских обывателей, как и в доиндустриальную эпоху, отступили на второй план, уступив место корпоративным интересам. Ставшие привычными методы планирования развития городов оказались в значительной степени замещены сотрудничеством с частным капиталом и локальными краткосрочными проектами. Сегодня мы повсюду видим строительство городских декораций для деятельности мультинациональных компаний и международных организаций, проведения крупных акций. Словом, городской пейзаж театрализуется, сочетая в себе национальное и интернациональное, бедность и богатство, ностальгию и амбиции.

«Смена веков» происходит под лозунгами возрождения исторической памяти и исторической среды городов, создания наиболее комфортной среды обитания, обеспечения безопасности жизни, экономического процветания и т.д. Активность трансформационных процессов в городах и явно рамочный характер концепций городского развития заставляют задуматься о соответствии реальных и декларируемых идеалов в сложном процессе формирования образа города. В этом смысле Москва с ее стремительно меняющейся жизнью и противоречивыми идеологическими установками представляет собой идеальный объект для изучения.

Советский период развития Москвы оставил яркие следы в городском пейзаже. Это касается не только мест и объектов, запечатленных на фотографиях, почтовых открытках, в путеводителях и т.д., но и ординарной застройки, отразившей теневую, непарадную сторону городской жизни, выявив реальную расстановку приоритетов, скрываемую под маской фразеологии.

За прошедшее десятилетие после крушения коммунистической системы московские гиды и открытки изменились крайне мало, привлекая внимание к традиционному набору достопримечательностей, но зато чуткое восприятие людей фиксирует огромные перемены в городской среде. Это связано, прежде всего, с изменением общей атмосферы жизни, которая, являясь наиболее чувствительным индикатором идеологических перемен, сильно влияет на формирование нового образа города.

Цель данной статьи – проследить на примере российской столицы, как приоритеты, характерные для разных политических систем, воплощаются в городском пространстве, опреде-

лить, какие из его элементов становятся ключевыми для образа города.

Чтобы лучше понять современный образ Москвы, проанализируем его эволюцию, начав с советского периода. В поле нашего зрения окажутся три отрезка времени: 1930–1985 годы, 1985–1991 годы и современный период, начавшийся в 1992 г.

Москва – коммунистический город

Москва долгое время служила моделью планового городского развития. Здесь были сформулированы и реализованы градостроительные идеи, социальную суть которых можно определить как стремление к «рационализации» жизни людей и «оптимизации» их жизненного пути с целью обеспечить наилучшие условия для развития производства и общества.

Монополия государства во всех сферах жизни создавала исключительные условия для реализации такого подхода. Москва представляла собой гигантскую лабораторию по разработке и воплощению урбанистических идей. Эта машина работала достаточно эффективно, с одним лишь «но» – ее деятельность была направлена на достижение целей градостроителей, в существующей системе отсутствовал заинтересованный в ее результате субъект. Градостроительные проекты генерировали стандартный мир для абстрактного среднего человека как для некоторой функциональной единицы, которой требуется «поесть и выспаться»³.

В условиях отсутствия частной собственности на землю, жители города не имели возможности влиять на формирование жилой среды. Повседневная практика горожан, которая обычно служит ориентиром для градостроительных проектов, была заменена красивыми, но утопическим идеями. Планирование городского развития было полностью отделено от жителей города, несмотря на то, что во всех градостроительных документах декларировалась ценность человеческой личности и индивидуальности. В результате Москва приняла облик своих создателей, идеологов городского развития, а не своих обитателей.

Рассмотрим детальнее, как особенности политической системы эпохи социализма повлияли на развитие Москвы, выбирая лишь те из фундаментальных приоритетов, которые непосредственно отразились на образе города.

1. **Культ власти и культ личности, обличенной властью**, привели к ее сакрализации, начавшейся с возведения Мавзолея «вождю мирового пролетариата» и создания Некрополя на Красной площади. Кремль из национальной православной святыни превратился в символ борьбы за всеобщее равенство и братство, форпост угнетенных народов. Над бывшим зданием Сената победно реял красный флаг, его красивое мерное движение, обеспечивавшееся искусственным поддувом, не зависело от погодных условий и символизировало уверенную поступь страны Советов.

³ Хейдметс М. Городская среда как социальная проблема // Городская среда. М., 1989. Ч.1. С.147–150.

Крайняя централизация власти постепенно стала идентифицироваться с центральностью ее положения. Не случайно первое коммунистическое Правительство, назначив в 1918 г. Москву «новой» столицей, переехало не просто в центр города, а в Кремль, ассоциировавшийся с «сердцем страны». Со временем, когда Кремль стал тесен, структуры партийной власти переместились в ближайшие кварталы.

«Центру» была придана огромная идеологическая важность, что проявилось в распространении «московского опыта» на провинцию. Во всех локальных столицах, независимо от их ранга, партийная власть разместилась в самых центральных точках.

В Москве такое «центрофильство» привело к усилению исторического моноцентризма города, концентрации всех функций в общегородском центре. Особенно остро нехватку социальной, торговой и культурной инфраструктуры ощущали окраины города, где практически полностью отсутствовали собственные «центральные места». Их роль играли немногочисленные пересечения транспортных путей, магистрали, станции метро и железнодорожные платформы.

Утверждение значимости власти через образы архитектуры способствовало развитию строительной гигантомании. Монументальность многих сооружений поражает и сегодня. Все эти одетые в мрамор и обильно украшенные дворцы резко контрастировали со скромными условиями жизни людей. Фигуры вождей выросли на площадях и в скверах, часто гипсовые статуи устанавливались во дворах, как бы входя в сферу повседневной жизни людей.

Возводимые новые здания подавляли своим размером и величиной, особенно если они предназначались для многочисленных военных организаций. Даже облик обычных жилых домов был героизирован, и если это не было жилищем «богов», то жилищем «героев труда», «людей будущего». Скульптуры рабочих, шахтеров, колхозников украсили фасады и крыши зданий, мускулистые полуобнаженные «герои-современники» встали у арок, дополняя массивные колоннады.

Новым символом страны стала 25-метровая скульптурная группа В.Мухиной «Рабочий и Колхозница», созданная в 1937 г. и установленная в Москве в 1939 г. Она символизировала героический энтузиазм народа и его волю к преобразованиям. Позднее, в 1954 г., этот образ был продублирован – над гигантской триумфальной аркой, служившей главным входом на Выставку достижений народного хозяйства (ВДНХ), были установлены фигуры колхозника и колхозницы, высоко поднявших могучий сноп пшеницы.

Кроме вождей и героев труда наибольшей популярностью пользовались образы спортсменов, воплощавших силу и здоровье народа. «Девушка с веслом» украсила парки и водоемы всей страны, став мишенью многочисленных шуток.

Новый виток популярности монументализма Москва пережила в конце 1970-х и 1980-х годах, когда, устав от унылых коробок из стекла и бетона, зодчие вновь обратились к классическим образцам мировой архитектуры, привлекая их преимущественно для придания символической значимости сооружениям. Неомонументализм возродил стиль «палаццо» для жилых сооружений, украшенных арками и галереями, и формы донжона для общественных зданий.

2. Антиплюрализм. Доминирование единственной идеологии, единственной партии, формулирующей общую точку зрения, стремление придерживаться «единой линии» привели к унификации всех сторон жизни.

Влияние антиплюрализма сказалось и на облике города, который постепенно утрачивал свою индивидуальность – на смену прежней живописности Москвы пришел униформизм. Особенно отчетливо это проявляется по мере удаления от центра. Современная периферия города представляет собой обширное аморфное пространство, заполненное типовыми домами.

Справедливости ради, заметим, что увлечение стандартизацией в то время охватило весь мир. Это было связано как с научно-технической революцией и развитием массового производства, которые сделали доступными многие предметы потребления – атрибуты благосостояния (дом, автомобиль, бытовая техника и вещи длительного пользования, одежда, и т.д.), так и с ростом среднего класса, предъявившего спрос на все эти символы прогресса. Стандартизация и унификация позволяли предоставлять качественные товары и услуги, соответствующие растущим запросам общества и высоким нормативам уровня жизни, по доступной цене. За этой унификацией стояла идеология «общества потребления». Результат ее внедрения в градостроительство развитых капиталистических стран также привел к обезличиванию городской среды, но масштаб преобразований все же не сравним с унификацией, пережитой советскими городами.

Догматизм коммунистической идеологии имел и другое следствие. Укрепившаяся власть уже в 1930-х годах ощутила потребность в официальной архитектуре, базирующейся на образцах, проверенных временем. Экспериментаторство, свойственное бурной эпохе революционных преобразований, уходило в прошлое. Лозунг «мир хижинам – война дворцам» утратил свою актуальность, ему на смену пришла идея строительства «дворцов для народа». Авторитарное государство вернулось к дворцовым традициям, постепенно оформившимся в «пролетарский классицизм».

Строительство И.Жолтовским жилого дома на Моховой улице, имевшего прототипом Loggio del Capitano Палладио, обозначило поворот в градостроительстве. Бурные аплодисменты трудящихся при виде здания, освобожденного от лесов к Перво-

⁴ Паперный В.
Культура Два. М.,
1996. С. 34

майской демонстрации 1934 г., обозначили начало формирования нового образа⁴. Благословленные народом, неоклассические сооружения стали заполнять улицы города. Стиль сталинской эпохи постепенно эволюционировал: на смену классическому декору и обилию «бесполезных» пространств: обширных подъездов, парадных лестниц, холлов, арок и т.д., пришли новые, более функциональные, но зато обильно декорированные на манер праздничных тортов сооружения.

Другой моделью для подражания стала американская архитектура. Америка – соперник и образец для СССР, символ мощи, власти и технического прогресса. Именно американская корпоративная архитектура 30–40-х вдохновила московских градостроителей на создание монументальных небоскребов. Но если в случае Америки, эта архитектура служила прославлению государства и Business Corporations, то в случае России – государства и партии. Архитектура фасадов должна была наглядно свидетельствовать о мощи политического строя, торжестве реального социализма и отражать державную волю. Конечно, архитектура московских небоскребов не была близнецом американской; по мере разработки и реализации проектов она претерпела серьезные изменения в духе эпохи и господствующих вкусов.

Еще пример – начало массового жилищного строительства в Москве после визита Н.С. Хрущева в Америку, когда строительство социального малогабаритного жилья было принято за модель решения жилищной проблемы. Относительная простота и дешевизна пятиэтажного строительства позволили в короткие сроки реально улучшить условия жизни горожан. Сотни тысяч семей получили индивидуальное жилье со всеми коммунальными удобствами. Однако низкое качество этого жилья довольно быстро обесценило первоначальный положительный социальный эффект, к тому же пятиэтажные «хрущобы» существенно преобразили Москву, став серьезным этапом в унификации городской жизни и образа города.

Имитативные тенденции в московском градостроительстве, развитие которых стимулировалось стремлением к «видимой» модернизации, привели к массовому тиражированию посредственных образцов архитектуры, лишенной своеобразия. Среди примеров Калининский проспект, Дворец Съездов и многие другие менее значимые объекты.

3. Приоритет общего над частным, коллектива над личностью породил несоответствие образа жизни людей и средового контекста этой жизни. В городе активно развивались общественные пространства – стадионы, площади для парадов, транспортные магистрали, метро, различные центры партийной и профсоюзной жизни. Особое значение приобретают фасады зданий и «парадные проспекты», скрывающие серую монотонность внут-

ренных кварталов, замусоренность дворов с их грязными подъездами, разбитыми стеклами и плохо закрывавшимися дверьми. Эта разница между «парадным» и «обыденным» стала наиболее существенной чертой образа Москвы.

Развитие общественных городских функций вытесняло на периферию градостроительной практики задачу формирования удобной городской среды, соответствующей городскому образу жизни. «Индивидуальное» утрачивало свои позиции во всех сферах жизни. Постепенно исчезали молочницы, домработницы, нянечки, дворники, билетеры, маленькие магазины и т.д. Вся сфера индивидуального обслуживания стала остро дефицитной. Автомобилизация москвичей также явно запаздывала, поскольку развитие общественного транспорта концептуально признавалось приоритетным. Широкие московские проспекты вплоть до начала 1980-х годов были довольно пустынные, точнее их заполняли тяжелые грузовики, обслуживавшие промышленные предприятия. Такие же громоздкие машины использовались и для снабжения магазинов – других просто не было. Автомобильный бум начнется в 1990-х вместе с либерализацией экономики. Тогда же тяжелой технике будет запрещен въезд в центр города, а автомобильная промышленность начнет производить малогабаритные грузовики.

4. Двойной стандарт в оценке значимости членов общества – «партийные» и «беспартийные». «Партийные» представляли наиболее сознательную и прогрессивную часть общества, они активно участвовали в управленческой деятельности, продвигались по карьерной лестнице и составляли «надежный авангард». Жизнь «беспартийных» была менее успешной. Конечно, случались и исключения – выдающимся деятелям науки и культуры удавалось занимать высокие посты или получать высокие награды и звания, но эта практика не поощрялась.

В самой партии равенство также только провозглашалось. Наиболее достойные ее члены составляли партийную элиту. Занимая ответственные посты в партии и государстве, они становились номенклатурой и приобретали хорошо известные привилегии. Постепенно возникла и пространственная сегрегация. Процесс начался строительством жилого комплекса ВЦИК (1929-1931), больше известного как «Дом на набережной»⁵. В городе стали формироваться зоны компактного проживания партийно-хозяйственной элиты. Небольшие, озелененные и обеспеченные социальной инфраструктурой микрорайоны сильно отличались по качеству жилья. Они были хорошо известны и получили название «царских сел», «генеральских» или «цековских» домов. Эти «анклавы благополучия» заметно выделялись на общем сером фоне благодаря светлому кирпичу домов и зелени газонов, украшенных цветами. Другим знаком отличия было обилие мемориаль-

⁵ «Дом на набережной» стал памятником архитектуры и истории. В архитектурный комплекс входили магазины, гараж, почта, прачечная и т.д., а также спортзал, клуб для обитателей дома, ставший впоследствии театром, и кинотеатр. Дом получил печальную известность в сталинские времена, т.к. подавляющее его большинство было репрессировано.

ных досок на стенах. Довольно скоро место проживания стало знаком престижа и социального положения.

5. Футуризм. Будущее стало целью и оправданием тех огромных жертв, которые несло общество. Поэтому власть, являвшаяся гарантом будущего, была в высшей степени озабочена созданием символов, материализующих его образ.

Совершив невиданный социальный переворот, консервативная Россия превратилась в самую авангардную. Осуществимыми казались любые социальные утопии, а всё реально существовавшее – устаревшим и требовавшим замены. Градостроительные проекты рисовали Москву городом, технически совершенным и функционально оправданным. Начались фантастические поиски новых решений, придумывались новые типы жилища, соответствовавшие образу будущего, в котором не было места рутине повседневной жизни. Даже метрополитен – утилитарная подземка, был задуман «как проекция будущего социалистического города, динамичного, светлого, торжествующего, предстательного»⁶.

Для культуры того времени будущее представлялось как постоянное движение вперед. Бесконечное совершенство цели, недостижимой при жизни реальных поколений, несущих на себе печать «пережитков прошлого», сжимало ощущение реального времени до мгновения, превращая движение в неподвижность, а будущее в вечность⁷. В данном контексте вполне логичным выглядит стремление придать Москве черты «вечного города», символизирующего «золотой век человечества».

Однако, чтобы представить в трудном и бедном «сегодня» счастливого и беззаботного «завтра», необходимы были зрительные образы, материализующие лозунги эпохи. Поэтому для реконструкции Москвы стали использовать только самые дорогие материалы. Метро украсилось мрамором и бронзой, старая застройка безжалостно сносилась. В столицу свозилось продовольствие со всей страны. Плодородие и плодovitость стали главными темами городского декора. На стенах домов появились огромные лепные корзины, наполненные овощами и фруктами, консоли балконов изображали рога изобилия, крепкие радостные женщины поднимали на руках пухлых младенцев, венки из колосьев оплетали карнизы зданий. Апофеозом «изобилия» была Выставка достижений народного хозяйства. В ее центре помещался огромный фонтан «Колос», олицетворявший счастливую и изобильную жизнь, которая ждала все народы СССР.

Но еще больше, чем «страной изобилия», Москва хотела быть символом прогресса, «русской Америкой» со своими небоскребами и дворцами науки. Война, обнажившая научно-техническое отставание страны, способствовала росту престижа науки. Будущее стало ассоциироваться с «обществом образованных лю-

⁶ Латур А. Москва 1890–1991. Путеводитель по современной архитектуре. – М., 1997. С. 70.

⁷ Паперный В. Указ. соч.

дей». Московский Университет, всего за два года выстроенный на высоком берегу Москва-реки, стал одним из главных его символов. Одновременно в городе возникло множество научно-исследовательских институтов, для которых были построены впечатляющие здания в неоклассическом стиле. Расположенные вблизи Университета, они создавали образ Москвы как города Науки. Человек с книгой, линейкой или микроскопом стал главным действующим лицом нового декора.

Постепенно увлечение наукой свелось к признанию главенствующей роли в ней точного знания. Будущее стало связываться с научно-техническим прогрессом. Общество разделилось на «физиков» и «лириков» – первые были в явном фаворе, а вторые должны были уйти в прошлое. Стекло, бетон и металлические конструкции наилучшим образом соответствовали этим новым представлениям.

Технократизм, умноженный на индустриальные методы строительства, полностью изменил облик столицы. Выплеснувшись из тесных пределов исторического города, Москва заполнила окружающие пространства, поглотив не только ближние поселки и деревни, но и семь городов.

Историческая среда города, которой и до этого уделялось мало внимания, заметно теряла свое значение. Центр ветшал и был неудобен для жизни. Новые жилые микрорайоны возводились на окраинах. В конце 1960-х годов был снесен обширный квартал в историческом центре ради возведения посредственных псевдонебоскребов и создания некоего подобия «даун-тауна». В Кремле, на месте одного из самых древних монастырей, был построен Дворец Съездов.

Градостроительная идея, заложенная в эти преобразования, состояла в том, что «переуплотненные кварталы в старой части города расчищаются от малоценной застройки и ветхих зданий. На их месте возникают открытые озелененные пространства и здания системы обслуживания...»⁸. Была реализована только первая часть проекта: центральные кварталы были «расчищены», а население получило новое жилье на окраинах. Вместе с населением из центральной части города уходила жизнь, а оставшиеся на прежних местах проспекты и площади постепенно приобретали сакральный смысл, становясь пространствами праздничных шествий и экскурсионных посещений.

В итоге, стремление к будущему привело к тому, что время в Москве остановилось. Было малоизвестное прошлое, отражавшее образ «старины глубокой», и воображаемое будущее. Жизнь в настоящем происходила на окраинах города, где гудел человеческий улей, а центр замер в ожидании очередных парадов и демонстраций, довольствуясь своими административными и торговыми функциями.

⁸ Иконников А. Архитектура Москвы в XX веке. М., 1984. С.166–190.

6. «Образ врага». Выйдя из подполья, коммунистическая элита долгое время сохраняла ощущение враждебности окружения. Наличие внешних и внутренних врагов, опасных для существования новорожденного государства, постепенно из реально факта превратилось в инструмент контроля. «Образ врага» позволял не только мобилизовать население, но и посеять страх и подозрительность в обществе, оправдать деятельность репрессивной машины, отсутствие гласности и секретность.

Разрастание военно-репрессивных структур потребовало нового впечатляющего строительства. Массивные здания исключили целые кварталы из будничной жизни, в городской среде возникли квазипустоты, ибо в тех местах лучше было не оказываться. Штабквартиры силовых структур стали служить своеобразными реперами в городской среде. Адреса КГБ и МВД обрели символический смысл, обозначив, наряду с Кремлем, Москву коммунистическую.

Закрытое общество, страдающее к тому же подозрительностью, предпочитает замкнутые пространства, окруженные стенами и заборами. Они в изобилии возникли в Москве, вместе с многочисленной охраной, которая встала на страже около входных дверей. Общественные здания имели своих привратников, и, чтобы туда войти, нужно было специальное разрешение или пропуск. Одной из характерных примет города стали таблички на дверях: «Посторонним вход воспрещен». Обилие этих объявлений создавало впечатление, что именно жители города и являются «посторонними» и «подозрительными» личностями.

Итак, какой же стала российская столица в результате реализации всех этих попыток воплотить образ «коммунистического завтра». Москва – город величественный, но холодный и равнодушный, поражающий воображение шириной проспектов и пустынностью площадей. Живая, провинциальная и простонародная Москва за годы советской власти стала «витриной» государства, символом номенклатурного бюрократизма. Пестрая праздничность жизни, свойственная древней столице, осталась в фольклорных образах. Серый цвет занял главное место. Будничная жизнь расцветала только в дни больших советских праздников, когда колонны демонстрантов с бумажными цветами, флагами и транспарантами заполняли площади и улицы.

И все-таки город оставлял сильное впечатление, как воплощение колоссальных амбиций и достижений общества. Он подчинял людей мерному ритму своего функционирования, формировал их вкусы и образ жизни. Тесное соседство сакрального и будничного, музейного и обыденного, переплетение искусства с серостью повседневной жизни, скрытное существование старой уютной Москвы за помпезными фасадами, оставляли место для индивидуального выбора. Город был многомерен и изменчив, он позволял в нем увидеть то, что хотелось видеть.

**Москва –
самоотрицание
или
прощание
с прошлыми
идеалами**

Горбачевская эпоха (1985–1991), ознаменованная распадом мировой системы социализма и СССР, резко изменила геополитическое положение Москвы. Из мощного центра влияния мирового масштаба она превратилась в город мировой полупериферии, от которого спешили отвернуться бывшие друзья. Тяжелое экономическое положение, падение уровня жизни, снижение социального статуса многих слоев населения и горечь утраты странной прежнего положения «великой державы» привели к психологической дезориентации людей и способствовали росту своеобразного «комплекса неполноценности».

Заметно поблекла и роль Москвы как национальной столицы, воплощающей в своем образе идентичность страны и ее главного города. В течение 70 лет специфические национальные черты стирались с лица Москвы, замещаясь чертами интернациональными, соответствовавшими представлению о столице мировой системы социализма. «Национальному» была отведена роль сувениров, которые либо собирались в определенном месте, либо служили украшением городского интерьера, разбавляя монотонное однообразие «коробок из стекла и бетона». Крах коммунистической системы резко обнажил утрату исторической преемственности и национальной идентичности, которую не могли компенсировать монументальные сооружения советской эпохи и тем более однообразные районы городских окраин⁹.

Резко негативное отношение к оборвавшейся эпохе привело к росту ностальгических настроений. 1989–1991 гг. были отмечены массовыми митингами, сносом памятников наиболее одиозным советским лидерам, возвращением дореволюционных названий улицам и выдвижением новых национальных лидеров.

Толпа вышла на улицы города. Стихийная торговля заполнила тротуары. Торговцы занимали самые выгодные места в на улицах, располагаясь даже рядом с символами могущества власти и государства. Городская среда потеряла свою «стерильность», «величие» и «упорядоченность». Монументы советской эпохи сильно поблекли, отступив в тень бурной жизни, кипевшей у их подножья. Их сакральное значение было стерто, на смену Москве – «форпосту борьбы за коммунизм» пришел «город-базар».

Занятые политической борьбой «отцы города» уделяли ему мало внимания, уступив напору стихийной реорганизации пространства. Новые приоритеты городского развития еще не сформировались, а старые, испытанные механизмы уже не работали. Город ветшал, погружаясь в вечернюю тьму как в небытие. Неубранный мусор разносился ветром по дворам и улицам, в метро появились крысы – символ тонущего корабля.

Идеология выживания стала главным принципом жизни не только рядовых граждан, но и города в целом. Советский урбанизм, с его обезличенным функционализмом, адресованным всем

⁹ Не случайно в 1989–1990 гг. активно обсуждался вопрос об очередном переносе столицы. В 1998 г. была выпущена брошюра, в которой были объединены вопросы, наиболее часто задаваемые москвоскому мэру, и его ответы. Вот один из них: «Как Вы относитесь к переносу столицы в другой город?» Ю. М. Лужков: «Очень спокойно... Москва процветает не потому, что она – столица, а в силу многих объективных факторов, и столицей она стала-то именно благодаря их особому благоприятному сочетанию. Но если кто-то этим хочет пренебречь, – ничего страшного с Москвой не случится» (Знакомьтесь с незнакомым знакомым Лужковым. М., 1999. С. 42)

и никому, оказался замещен персонифицированным индивидуализмом, ориентированным на интересы «новорожденных» финансовых групп. На первый план вышли слабо контролируемые процессы. Постепенно они обрели свою логику, приоритеты определились, и из лоскутного одеяла городской среды стал проступать новый образ Москвы.

Москва – национальная столица или «мировой город»?

Начало экономических реформ в России воспринимается сегодня как точка отсчета происходящих изменений во всех сферах жизни. Брошенная в «ледяную воду» преобразований, Москва, как и остальные регионы страны, вынуждена была выплывать самостоятельно. При этом ей предстояло выдержать утрату своего «всемирно-исторического значения» и испытание глобализацией экономики, потребовавшей реорганизации пространственной структуры города в соответствии с новыми рыночными законами. На Москву ложилась ответственность за все противоречия между властью и населением, между столицей и остальной страной, между Россией и миром. Требование экономического и политического выживания привело к переоценке приоритетов городского развития и формированию новой системы предпочтений. Остановимся лишь на наиболее очевидном.

1. Западничество. Выбор пути развития для России всегда был связан с культурным самоопределением. Ее трансконтинентальное положение, смесь народов и языков, длительные периоды влияния то Востока, то Запада заставляют ее в критические моменты истории делать цивилизационный выбор.

Символом Запада в России всегда был Санкт-Петербург, ставший зримым подтверждением вступления государства на европейский путь развития. Это Петербург принес стране плоды просвещения, которые позволили ей быстро освоить европейские достижения и заявить о своем месте в мировой культуре. Культурное раскрепощение России сделало личность Петра I наиболее популярной исторической фигурой, воплощающей концентрацию силы воли, стремление к прогрессу и реализации своих идей.

Москва же, напротив, на протяжении долгих столетий была символом российской «лени», «византизма» и «азиатства». Достаточно открыть любые путевые заметки прошлого века или даже современные путеводители, чтобы найти такие наблюдения. Тем не менее сегодня Москва, а не Петербург, претендует на роль главного в стране «европейски» благоустроенного и прагматичного «западного» города. Она подтверждает эту ориентацию успехами в продвижении реформ, развитии сферы услуг, современных коммуникаций, да и не только этим.

Формируемый новый образ столицы явно перегружен символами «европейства». Прежде всего, власти озаботились созданием гигантского памятника Петру I, который, как кормчий, указывает выход из «исторического тупика».

В Москве никогда не было памятника Петру. У этого царя с древней столицей складывались непростые отношения. Немецкая культура плохо «прививалась» на старомосковской почве, пропитанной недоверием ко всему иностранному и почтением к освященным временем традициям. Поэтому новый памятник выглядит не как дань прошлому или благодарность потомков, а как символ совершившегося, наконец, поворота Москвы к Западу, еще одного «окна», прорубленного в Европу.

Другим ярким символом «европейства» является господство европейского вкуса. Приставка «евро» поднимает качество продаваемых товаров, оказываемых услуг, престиж магазинов. Многочисленные вывески и реклама предлагают евро-ремонт, евро-сантехнику, евро-вагонку, услуги европейского уровня, евро-окна, евро-двери, евро-моду и много всего другого «евро», лишённого признаков происхождения, но окружённого ореолом европейства.

Наконец, поразительно изменились ритм и стиль жизни в Москве. Охваченная азартом предпринимательской деятельности, деловая Москва быстро освоила правила игры на финансовом рынке и сумела установить контроль над финансовыми и товарными потоками всей страны. Это открыло дорогу бурному развитию сервисного сектора экономики, которая логично привела к «строительному буму» и спонтанному превращению ряда кварталов центра города в деловые зоны, соответствующие требованиям мирового бизнеса. Городская среда стала рассматриваться как «красивая упаковка» для успешного бизнеса, местоположение – ассоциироваться с успехом.

Началась активная реконструкция исторической части столицы. В сочетании с изменением экономических приоритетов это привело к фрагментации единообразного городского пространства. Городская среда центра дробилась и уплотнялась, стали застраиваться многочисленные пустыри и даже дворы, возникли новые барьеры, пространство обрело специализацию. Заметно изменились функциональная «начинка» и облик бывших промзон, транспортных узлов, обширных общественных территорий города – стадионов, рынков и т.д. В архитектуре Москвы появились здания, отвечающие корпоративной эстетике, чуждой национальным различиям. Господство капитала и его мировое значение определяют формы этих строений. Таковы, например, циклопические постройки Газпрома или более скромные банковские «сундуки» и «ледяные кристаллы». Идея построить свои «Сити» и «Манхэттен» не только увлекает градостроителей, но и постепенно претворяется в жизнь¹⁰.

Новым «героем дня» стал бизнесмен, что способствовало изменению стиля одежды, особенно, среди молодежи. На смену «джинсовой униформе» пришел костюм и галстук – трансформация абсолютно невозможная в 1980-х годах, когда пиджачная па-

¹⁰ В Москве в ближайшее десятилетие предполагается возвести 60 (!) высотных домов в 45–50 этажей (Семеник Н. Блиц опрос // Известия. 28.03.2000.

ра ассоциировалось с удушающей скукой бюрократизма. Рынок обрушил на потребителя все многообразие форм, цветов и моделей, предлагаемых западной индустрией моды. В московской толпе уже невозможно с первого взгляда отличить европейца, зато хорошо видны россияне – жители провинции, недавние мигранты, еще не обкатанные Москвой.

Однако романтическое увлечение Западом и требование модернизации Москвы в соответствии с мировыми стандартами и международным стилем столкнулись с острой ностальгией по прошлому, диктующей необходимость возрождения национальных традиций и святынь.

2. Руссификация. Потребность в «национальном возрождении» связана не столько с задачей сохранения остатков исторического наследия или обострением «русского шовинизма», сколько с необходимостью восстановления утраченной идентичности. Из общественного сознания она была вытеснена модельным представлением о «советском человеке». Все позитивные качества многочисленных народов СССР, в том числе и русского, были автоматически приписаны «советскому человеку», а негативные оставались принадлежностью этнической группы. Поэтому легко понять то чувство потерянности, которое возникло у людей после распада СССР. Все достижения прошедшей эпохи принадлежали «советскому человеку», за остальными ничего не числилось, кроме ошибок и преступлений. Свершения, питавшие национальную гордость и достоинство, были в дореволюционном прошлом, где по-прежнему оставалась «русская история», «русское величие» и «русская душа». Поэтому не удивительно, что, входя в мировое сообщество, Москва хочет выглядеть как русский, а не советский, город, а власти стремятся обрести корни, обеспечив видимость исторической преемственности.

Но насколько возможно совместить национальное возрождение и модернизацию западного типа? Кропотливое возрождение культуры не терпит современных методов строительства, а тем более переустройства. Создание среды, привлекающей бизнес, который становится все более требовательным не только к условиям труда, но и к окружающему городскому пространству, не совместимо с консервацией прошлого.

Стремительное обновление Москвы, реконструкция не только архитектурных памятников, но и ординарной малоэтажной застройки создают впечатление активных работ по восстановлению исторической части города. Но, приглядевшись внимательнее, понимаешь, что ведущим стал процесс не реставрации или реконструкции исторического наследия, а имитации образов прошлого века. Миф о сказочном городе, переплавившем традиции Запада и Востока, поражает воображение архитекторов сильнее, чем реально существующая застройка.

Принципиальную точку зрения, определившую современное отношение к историческому наследию, с предельной ясностью выразил мэр Москвы Ю.М. Лужков: «Мы все сохраняем и добавляем». Реставрация подменена реконструкцией. Считается, что здание реставрировано, когда сохранен фасад или оно отстроено заново. При этом «улучшаются» пропорции, добавляются детали, меняются строительные материалы и т.д.

В результате подлинность утратила свою ценность. Москва восстанавливает историческую память, а не исторические памятники. И в этой достаточно успешной реконструкции главное место принадлежит «русской идее», с той разницей, что на смену старой формуле официального патриотизма: «самодержавие, православие, народность», пришла формула будущего процветания: «государство, церковь, бизнес». Полученный сплав отразил три основных направления трансформации городской среды – подчеркивание значения церкви, государства и частного бизнеса.

Активное культовое строительство в Москве возвращает ей национальные символы. В кратчайшие сроки были заново отстроены Казанский собор на Красной площади, Воскресенские ворота с Иверской часовней, Храм Христа Спасителя, поставлены памятные часовни в Столешниковом переулке, на Арбате и т.д., построены временные деревянные храмы во всех новых микрорайонах окраин, многочисленные часовни обозначили места снесенных храмов. Хотя православие и сохраняет абсолютный приоритет для властей, свой вклад в формирование облика города вносят и культовые сооружения других конфессий, прежде всего – мечети. Исламская община, по оценкам религиозных деятелей, насчитывает в Москве почти миллион человек и многонациональна по своему составу, но возводимые мечети адресуются прежде всего татарам, изначально входившим в состав российского общества, а не верующим мусульманам вообще. Поэтому и строительство мечетей тоже оказывается в русле традиций.

Роль государства и роль Москвы в государстве подчеркивается обновлением занимаемых властью зданий и расширением числа памятников архитектуры, используемых для политико-административных целей. Так, тотальной реконструкции подверглось здание Сената в Кремле, Госплан, на очереди Петровский дворец и т.д. Параллельно ведется бурное строительство новых административных зданий и пристроек в наиболее привлекательных частях города.

Третья важнейшая составляющая трансформации облика города принадлежит бизнесу. Новая русская буржуазия, одновременно разоряющая государство и мечтающая о его могуществе и былой самобытности, оказалась привержена «русской идее». В современной офисной архитектуре, отражающей вкусы заказчиков, воплотился трансформированный идеал русскости. Для рус-

ского строения всегда была характерна многосоставность, пирамидальность, живописность и контрастность соединения частей. Нередко разнообразные треугольники, шатры, бочки, беседки, трубы сложной формы украшали крыши дворцов, теремов, да и обычных зданий. В прежнее время это делало российскую столицу похожей на яркий пасхальный стол, заставленный куличами, пирогами и крашеными яйцами, да и сегодня явственно ощущается притягательная сила этого образа.

Однако увлечение «русской идеей» служит не только задаче национального возрождения, но и рыночной трансформации экономики города. Руссификация имеет декоративное значение, тогда как ключевым критерием целесообразности проектов является выгода.

4. Постмодернизм. Путаница идеологических представлений и ориентаций, смесь множественных ностальгий и не менее многочисленных амбиций оказались в удивительном соответствии с основными принципами постмодернизма, определившего архитектурное творчество в постсоветской Москве.

Общество, уставшее от глобальных преобразований «мира», природы, космоса и самого человека, с готовностью восприняло логику постмодернизма, провозгласившего отказ от универсальных концепций и идеологических приоритетов, строгости стиля и временной иерархии¹¹.

Основные компоненты предлагаемого постмодернизмом искусства следующие: 1) «засыпание рва» между массовым и элитарным, сказочным и реальным, 2) контекстуализация или учет местных особенностей и особенностей пространства, 3) демократизация, превращение жителей и посетителей в реальных участников процесса проектирования, 4) метафоричность архитектурных образов, многовариантность их прочтения и, наконец, 5) «радикальный эклектизм», включающий в себя разнообразие и равноправие всех архитектурных решений, если они органично сплетаются в целое.

Блестящим воплощением духа постмодернизма в Москве стала реконструкция Манежной площади, сплавившая несовместимое. Хорошо известный по хрестоматийным фотографиям вид кремлевской стены с классической панорамой Александровского сада, могилой Неизвестного солдата и застывшим почетным караулом был дополнен сооружением торгового комплекса в стиле санаторно-пляжной архитектуры с элементами детской игровой площадки. Перед кованой решеткой ворот Александровского сада установлен памятник Жукову, представляющий грозного маршала сидящим на игрушечной лошадке, игриво поднявшей хвост. Идея возведения монумента великому полководцу Второй мировой войны рядом с могилой Неизвестного солдата красива и прозрачна, но картонная лошадка навеивает мысли не столько о подвигах и величии победы, сколько о бренности всего сущего.

¹¹ В логике постмодернизма прошлое нигде не уходит, а сохраняется в современности. Согласно Лиотару, приставка «пост» в слове постмодернизм означает не последовательность событий, а некий «анапроцесс», процесс анализа, анамнеза, аналогии и анаморфозы, который перерабатывает нечто «перво-забытое».

Эффект реконструкции оказался неожиданным. Впервые после долгих лет советской власти в Москве появилось общественное пространство, место ежедневных гуляний, влияние которого на жизнь города сравнимо с ВДНХ или Парком Горького.

Интеллектуальная элита подвергла «новое творение» самой обидной критике, зато публика была в восторге. Она мгновенно оценила курортный антураж и стала использовать реорганизованное пространство не по заданному архитекторами назначению (торговый и деловой центр с подземной стоянкой), а исходя из образа места, вызывающего конкретные ассоциации. Монументальная мраморная балюстрада, по мысли авторов, призванная разграничить сакральное и торговое пространство, только усилила сходство с курортами сталинского времени. Аналогичная метаморфоза произошла и с водным барьером, разделяющим разные функциональные зоны. Мелкая псевдоречка, протекающая по кафельному руслу и украшенная фигурами сказочных героев, была воспринята как место для плесканий и детских забав, некое подобие аквапарка в утомительно жаркие летние дни. Другими словами, метафора реконструированного пространства оказалась сильнее смысла, заложенного в реконструкцию.

Другой яркий пример постмодернизма – вечернее освещение московских улиц. В нем поражает не столько подсветка высотных зданий или отдельных монументов, сколько уличное освещение. Оно создает ночной образ города, принципиально отличный от дневного. Москва, освещенная солнцем, напоминает огромный, довольно беспорядочный человеческий улей, в котором на каждом шагу сталкиваешься с неудобствами и проблемами, свойственными мегаполису. Но в свете фонарей и прожекторов она превращается в сказочный «городок в табакерке». Фасады тяжеловатых и помпезных зданий приобретают легкость очертаний, бесчисленные башенки и беседки на крышах – черты волшебных фонарей. Городское пространство становится сходным с уютным интерьером, где замечаешь только то, что хочется видеть. Витрины и реклама теряют свою навязчивость, вливаясь в общую партитуру огней. Вечернее освещение Москвы становится наглядным подтверждением существования виртуальной реальности и отсутствия грани между чудесным и обыденным.

Однако не все черты постмодернизма находят свое воплощение в современной Москве. Гораздо хуже обстоит дело с демократизацией проектирования и стиранием границ между массовым и элитарным. В российской столице постмодернизм подчеркивает элитарность нового образа города. И, если можно было бы сопоставить степень постмодернистичности проекта и затраты на его реализацию, то, скорее всего, была бы выявлена линейная зависимость: чем дороже проект, тем больше постмодернизма. В результате, возникающий образ постиндустриальной Москвы живопи-

сен и привлекателен, но элитарен. Это город власти и успешного бизнеса. Постепенно выстраивая свое своеобразие, он служит средством для выжимания денег, приманкой для инвесторов и капиталовложений.

Следует признать, что в масштабном постмодернистском перформансе жителям Москвы отведена роль зрителей и массовки. Это дало основание И.Бусыгиной определить происходящее как постмодернизм поневоле¹². Действительно, трансформационные процессы в Москве происходят в условиях жесткого временного давления, что приводит к наложению сразу нескольких фаз развития, новые социально-экономические требования и реалии напластовываются на старые, не вытесняя их. Если подойти формально, то такое смещение новых представлений со старым господствующим укладом жизни почти идентично посмодернистскому стремлению утвердить ушедшее в современности, с присущими ему ретро-увлечениями, ностальгиями и радикальным эклектизмом. Однако на Западе это, скорее, ответ общества на диктат научно-технического прогресса, тогда как в Москве – следствие сменяющихся волн модернизаций, догоняющий характер которых определил тесное соседство на улицах города архаичного и футуристического, богатства и бедности.

5. Предпринимательство и предприимчивость – новый лозунг городских властей. Если у государства нет денег, чтобы наполнить столичный бюджет, и недостаточно власти, чтобы контролировать его исполнение, если население не платит налоги и не намерено этого делать в обозримой перспективе, так как неуплата налогов является условием выживания, то у городских властей остается почти единственное средство – контролировать рынок, прежде всего финансовый, и использовать имеющиеся ресурсы для развития собственной предпринимательской деятельности.

Новые условия работы городской администрации потребовали:

- формирования партнерских отношений между муниципальной властью и частным капиталом, создания квазигосударственных коммерческих предприятий, обладающих правом самостоятельной финансовой деятельности;

- признания приоритета муниципальных властей на рынке недвижимости и их права привлекать городские средства к операциям с недвижимостью, усиления монополизма в сфере предоставления услуг и создания препятствий для развития свободной конкуренции, способной снизить цены, а значит и доходы государственной казны;

- признания традиционного столичного права «на исключительность», позволяющего Москве не подчиняться отдельным федеральным законам.

¹² Бусыгина И.
*Postmodernism in
Moscow// Russian
Politics and Law. 35*
(1). P. 6–14.

Партнерские отношения с бизнесом означают, что мэрия берет на себя роль посредника между заказчиками и исполнителями заказа, обладая правом выбора как одних, так и других. Заметим, что отсутствие права частной собственности на землю в Москве оставляет городским властям большую свободу действий, так как единственным собственником, стесняющим реализацию проектов, являются федеральные структуры и объекты федеральной собственности на территории города.

В Москве разработаны три основные схемы привлечения инвестиций.

1. Покупка права аренды участка земли у городской администрации на аукционных торгах или на вторичном рынке, организация строительства, затем получение доходов от эксплуатации или продажи построенного здания.

2. Покупка подлежащих реконструкции или недостроенных зданий вместе с правом аренды земельного участка у городской администрации или частного собственника, последующее завершение реконструкции или строительства и получение доходов от сдачи помещений в аренду или продажи объекта.

3. Участие в инвестиционном проекте города, с последующим переходом в собственность инвестора от 50% до 80% здания, что подразумевает возможность сдавать помещения в аренду или продавать свою долю.

Инвестиционный контракт (последняя схема) является наименее доходным, но наиболее предпочтительным для инвесторов, поскольку так они минимизируют непредвиденные расходы, связанные со сложностями юридической процедуры инвестирования, и снижают риск вложения капитала – гарантией безопасности инвестиций служит городское имущество. Наиболее популярный слоган середины 1990-х годов – «Московская недвижимость всегда в цене», а наиболее часто встречающиеся рекламные щиты – предложения аренды или продажи дома, квартиры и офиса.

За период 1993–1998 гг. в рамках реализации Программы по реконструкции исторической части города было заключено 600 инвестиционных контрактов с общим объемом инвестиций около 6 млрд. долл. С учетом схемы «50 на 50», для инвестора стоимость реконструкции или строительства 1 кв. м. площади составляла 1340 долл., при реальной цене 670 долл. Однако нередки случаи, когда правительство Москвы идет на уступки инвесторам, сокращая долю города, а следовательно, и дополнительные затраты. Часто каждый шаг в реализации проектов сопровождается спекуляциями на рынке недвижимости и перепродажей как объектов собственности, так и прав аренды.

Образ города, переживающего «строительный бум», служит главным индикатором экономических успехов Москвы и

выводит столицу за «пределы реальной России, превращая ее в некий космополитический анклав, форпост модернизации, ушедший в отрыв от остальной нации и вспоминающей о ее существовании лишь в периоды, предшествующие общенациональным выборам»¹³.

¹³ Поляков Л. *Москва и Россия: либерально-консервативный взгляд на органический федерализм*//Голос России. 01.07.1999.

Впечатление усиливается еще и тем фактом, что Москва оборачивается к России суровым милицеским ликом, требуя от приезжих «прописки» и «регистрации». В столице не действует положение Конституции Российской Федерации, гарантирующее право граждан на свободу передвижения и избрание места жительства. Мэру Москвы удалось добиться сохранения института прописки «в виде исключения». Каждый приезжий должен в трехдневный срок пройти регистрацию. Конечно, мэр был движим заботой о всеобщем благе и стремлением защитить столицу от транзита бомжей и уголовников, в том числе и международных. Но постоянные проверки документов в метро и на улицах, основанием для которых служит внешний вид, превращают россиян-немосквичей в граждан «второго сорта» и «подозрительных личностей», создавая крайне недоброжелательные отношения между столицей и провинцией.

Среди других существенных нарушений Конституции – система административного управления городом, точнее наличие в ней промежуточного звена – административных округов, управление которыми осуществляется только исполнительной властью (префект назначается непосредственно мэром). При том, что численность населения в округах колеблется около 1 млн. человек, здесь нет ни окружных судов, ни депутатов.

Центральной фигурой, оказавшей решающее влияние на образ Москвы и все, связанные с ним, противоречия, является мэр города Ю.Лужков.

Ю.М.Лужков – долгое время старался дистанцироваться от политических движений. Отвечая на прямые вопросы о его идеологических пристрастиях, он говорил, что «стоит на хозяйственной платформе» и принадлежит к «партии москвичей». Даже в начальный период своей деятельности на посту вице-мэра (1989), отдавая дань антикоммунистической риторике, Лужков не отождествлял себя с «демократами». В дальнейшем, несмотря на заметный дрейф в сторону левых сил, он оставался членом «партии хозяйственников». Его главный политический аргумент – экономические успехи, достигнутые в Москве, а главное направление атаки против московского мэра, ставшего за прошедшие десять лет крупной политической фигурой, – отрицание его заслуг в деле достижения относительного благополучия в столице. Таким образом, образ Москвы стал козырной картой в политической борьбе.

В заключение

Отмена или преобразование символов сопровождается всякую историческую ломку, на примере Москвы мы попытались понять смысл произошедших с ней перемен, проанализировать влияние идей на формирование и трансформацию образа города. Конечно, пришлось упростить действительность, придав ей однозначность и выделив лишь наиболее яркие, знаковые изменения. Поэтому в заключение хотелось бы смягчить черно-белые контрасты нарисованного портрета Москвы и сделать несколько оговорок, опущенных в основном тексте, обратить внимание на неизбежные преувеличения и сгущение красок.

Во-первых, перечисленные особенности имиджа российской столицы (как в советское время, так и сегодня) не являются уникальными, присущими только ей.

Несмотря на закрытость советского общества, его развитие происходило в русле основных социальных и экономических тенденций, характерных для XX в. И здесь кроме урбанизации и индустриализации следует назвать осознание и формирование национально-государственной идентичности. Процесс, который в первой половине века активно шел во многих государствах Европы, переживших стресс в результате революций, войн, распада империй и раздела их территорий. Боль утраты былого могущества рождала желание его восстановления. Ностальгия по мощному государству выразилась как в стремлении к экспансии и расширению своего влияния, так и в усилении авторитарности во всех сферах социальной практики. Градостроительство не было исключением. Созданные в то время образцы городской среды, отвечая потребностям эпохи, утверждали визуальные образы государственного могущества. Яркие свидетельства того времени можно обнаружить не только в Москве, но и в Берлине, Риме, Мадриде, Париже и Вашингтоне, словом, везде, где государство стремилось заявить о своей доминирующей роли.

Схожая ситуация наблюдалась и в области социального проектирования. Практически все европейские страны, придерживающиеся социал-демократической идеологии, имеют свои районы социального жилья на окраинах крупных городов. Их главное отличие от московских новостроек состоит лишь в масштабах строительства и этажности зданий.

Сегодняшнее, связанное с офисным бумом и возведением высококомфортабельного жилья, обновление Москвы, также является процессом, характерным для подавляющего большинства мировых столиц. При этом повсюду в архитектурном проектировании господствуют идеи постмодернизма.

Но не стоит думать, что приведенные соображения, сходство общих тенденций и их проявлений, перечеркивают написанное выше. Москва обладает яркой спецификой. Нигде в мире не было такой уникальной возможности полностью подчинить городское

развитие идей. Везде градостроительные концепции должны были доказывать свое право на реализацию в борьбе с объективными процессами пространственной самоорганизации населения и жесткими законами рыночного землепользования. Лишь российская столица стала примером воплощения теоретических представлений, почти свободного преобразовательного творчества архитекторов. Конечно, оно лимитировалось социальным заказом и потребностями общества, но его не останавливало право земельной собственности. Как известно, даже историческое наследие и памятники архитектуры не являлись препятствиями для реализации смелых архитектурных проектов.

Вторая важная оговорка касается полифоничности современной Москвы. Раскладывая на составные части впечатления от города, мы выделили две ключевых тенденции в формировании ее образа: интернационализацию и руссификацию. Но этим, конечно, не ограничивается палитра резко выросшего культурного разнообразия, особенно заметного на уровне повседневной жизни.

Изменился внешний облик городской толпы. Российская столица превратилась в место встречи социальных групп, являющихся носителями контрастных культур – богачей и нищих, иностранцев и «местных», коренных жителей и приезжих, этнических меньшинств, представителей разных конфессий и т.д. Московская толпа заметно помолодела, и совсем не потому, что выросла численность молодежи в городе. Просто городская среда стала более приспособлена для встреч, прогулок и общения.

Самое яркое явление – московские базары, многие из которых контролируются выходцами из Азербайджана. Недавние мигранты, они сохраняют свой привычный образ жизни и в Москве, привнося в будничную суету рынка атмосферу юга. Здесь слышны звуки гортанной речи, турецкая музыка мешается с западной и российской. Небольшие компании мужчин собираются за поставленными около прилавков столами, чтобы пообедать или обсудить свои дела. Торговцы на ломаном русском языке предлагают отведать экзотические блюда. Рядом располагаются группы молдаване, торгующие фруктами, корейцы с их острыми приправами и салатами, узбеки, продающие сушеные специи. Меньше всего здесь славян, которые традиционно торгуют картошкой, морковью, солеными огурцами и другими немудреными домашними изделиями.

Заметно пополнилась география московских ресторанов, ранее сводившаяся к представительству в Москве республик СССР и стран социалистического лагеря. Сегодня рестораны представляют весь мир, знакомя посетителей с особенностями национальной кухни и музыки.

В-третьих, прошлое никуда не ушло из Москвы. Многие черты, составлявшие ее образ в советское время, потускнели, зато

другие обрели вторую жизнь. Заметно ослаб контраст между фасадами и дворами, парадными проспектами и внутренними жилыми кварталами. Облик московских дворов сильно преобразился, но все же видимая разница по-прежнему сохраняет свое фундаментальное значение для восприятия города.

Среди черт, которые приобрели гипертрофированное значение, стоит назвать усиление пространственной сегрегации населения и повсеместное распространение службы безопасности.

Отсутствие внутригородской имущественной сегрегации было одним из главных достижений советского градостроительства, хотя и тогда существовала грань между партийной элитой и остальным обществом, достаточно четко обозначенная в пространстве, были особые дачи и особые жилые дома или даже кварталы. Сегодня Москва приближается к далеко не лучшим образцам западного мира. Концентрация богатства в одних районах и маргинализация других становятся характерной чертой и для Москвы.

Да, отсутствие права частной собственности на землю в советское время исключало жителей города из процесса градостроительства, но и наличие права на собственность, которым ныне обладает каждый, еще не означает реального владения. Экономические реформы, открывшие путь капитализации общества, вывели на городскую арену вовсе не горожан, а крупные корпорации, которые и преобразуют городскую среду в своих интересах, создавая вполне реальные барьеры между «своими» и «чужими».

Стремление выделить и защитить «своих» вызвало потребность в повышенных мерах безопасности, мода на которые распространилась с удивительной скоростью. Советская охрана видела во всех врагов и была одержима манией секретности, она находилась на защите государственных интересов. Нынешняя куда равнодушнее, она охраняет спокойствие находящихся внутри и устрашает тех, кто снаружи. Хотя в ее функции больше не входит обеспечение государственной безопасности, охрана военизировалась. Все это свидетельствует о том, что общество переживает синдром незащищенности и уязвимости. Раньше боялись насилия над личностью, сегодня физической расправы. Былая подозрительность переросла в реальный страх, подкрепленный серией аварий и террористических актов.

Итак, под давлением новых приоритетов социально-экономического и политического развития образ города преобразился, модифицировались визуальные символы Москвы. Но, изменившись «во всем», Москва во многом остается для нас «тем же самым». Привычные детали московского пейзажа и московской жизни наполнились новым смыслом, сохранив узнаваемость.